

О ТИПОЛОГИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В.А. Харченко – докторант

Анализируются типы этнополитических конфликтов и введенный в научный оборот новый термин – локальный конфликт.

Ключевые слова: этнополитический конфликт; этнический конфликт; локальный конфликт.

Актуальность исследования проблемы разрешения и предотвращения межэтнических конфликтов, эффективного управления полиэтничными регионами в последние десятилетия не вызывает сомнений ни у российских, ни у зарубежных политологов. Межэтнические конфликты “со стажем” в Великобритании (Северная Ирландия), Испании (баски и каталонцы), Франции (бретонцы и корсиканцы), Канаде (провинция Квебек), на Ближнем Востоке (арабо-израильский конфликт) дополнились новыми проблемами, связанными с интенсивной этнической миграцией в США и страны Западной Европы (мигранты из стран Африки и Азии), и выразившимися в росте популярности националистических партий (Франция, Голландия).

В последние годы наиболее опасным и часто встречающимся видом конфликтов стали локальные межэтнические столкновения. Локальные конфликты зафиксированы на территориях практически всех постсоветских государств. Поэтому практическая актуальность предлагаемого исследования обусловлена необходимостью разработки и внедрения эффективной системы разрешения и предупреждения локальных межэтнических конфликтов как элемента системы национальной безопасности.

В российской литературе классическим стало определение этнического конфликта, данное В. Тишковым: “Этнический конфликт – форма гражданского противостояния на внутри- и трансгосударственных уровнях, при которой хо-

тя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени определенной этнической общности. Различаются формы межэтнической напряженности и политической борьбы, спорадического насилия и погромов, этнических чисток, открытой вооруженной борьбы.

Причины этнических конфликтов могут заключаться в соперничестве за контроль над ресурсами и властью, в дискриминации и неравенстве по этническому признаку, в стремлении изменить систему управления или статус государств и их границ. Почву для этнического конфликта могут составлять прошлые межэтнические распри, войны, совершённое в отношении этнической группы насилие со стороны других групп или государства, религиозная нетерпимость и культурно-исторические споры. Участниками этнического конфликта могут быть представители одной и более этнических групп, он может носить межгрупповой характер или происходить между группой и государством. В ряде случаев этнический конфликт перерастает в межгосударственный конфликт, например, между Индией и Шри-Ланкой, Турцией и Грецией, Азербайджаном и Арменией, Бурунди и Заиром, в ходе палестино-израильского конфликта. Наиболее распространены, в том числе и на территории бывшего СССР, этнические конфликты с целью изменить политический статус, осуществить сецессию и создать новое государство (грузино-абхазский, грузино-осетинский, карабахский, приднестровский, чеченский конфликты). Этнические конфликты сопровождаются эскалацией вражды и насилия, вынужденными миграциями, что делает их разрешение очень трудным. Часто для этого требуется вмешательство третьей стороны, в том числе международных организаций или стран-посредников, как, например, в бывшей Югославии, Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Чечне. В редких случаях миротворчество может обретать характер миронавязывания (военная операция под эгидой ООН в Боснии) [1]. По сути, определение, хотя и предложено этнологом, дано в политологических терминах.

О политологической составляющей межэтнических конфликтов свидетельствуют результаты исследований этнопсихологов и этносоциологов [2; 3]. Этническая составляющая конфликтов, с их точки зрения, наиболее явно выявляется в функционировании негативных этнических стереотипов, под которыми понимается упрощенное, схематизированное, часто искаженное обыденное представление о каком-

либо социальном объекте (в данном случае – об этнической группе или ее представителе). Это относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих членам различных этнических групп, которые складываются в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и предвзятых представлений, принятых в этнической общности. Стереотип фиксирует некоторые не всегда существенные, но значимые, с точки зрения членов общности, черты социального объекта.

Большинство исследователей указывает на амбивалентность стереотипов. Стереотипы как проявление экономии усилий в отношениях человека с окружением помогают ему ориентироваться в ситуациях, в том числе и политических, где от него не требуется индивидуального ответственного решения. Они играют отрицательную роль там, где нужны объективные взвешенные решения задачи, анализ ситуации, поскольку стереотипы навязывают определенное содержание и переживание еще до осмысления поступающей информации. В этом отношении два составляющих звена стереотипа имеют особенно негативные последствия: его предписанность и неправомерное обобщение [4].

Этнические стереотипы всегда эксплицитны, то есть порождают различного рода фобии, направленные на иные этнические группы, с которыми осуществляется контакт [5].

Таким образом, существует почва для того, чтобы в результате действия внутренних для группы этнопсихологических механизмов возникла напряженность в этнополитической сфере. Этнические стереотипы выступают механизмами формирования этноцентризма, политизация которого приводит к этнонационализму. Поэтому стереотипизация опыта межэтнического взаимодействия является предметом не только этнической психологии, но и этнополитической конфликтологии.

Исследователь межэтнических отношений А. Мацнев обращает внимание на то, что четко выраженный этнический параметр конфликта в ряде случаев проявляется не сразу и обсуждает проблему адекватного методологического подхода, который позволит “точно обозначить этнополитическое измерение современного конфликта, выявить ту грань, часто трудноуловимую, которая отделяет его от всей совокупности социальных конфликтов” [6: 242–243]. Он подробно рассматривает свойство этнополитического измерения конфликта, которое обнаруживается при

анализе различных фаз исторического вызревания этнополитического конфликта и заключается в том, что наряду с диахронным развитием конфликт содержит мощный потенциал “перелива” из одной конфликтной разновидности в другую. “Иначе говоря, зародившись как социальный, пройдя стадию этнополитического созревания и вылившись в межнациональные столкновения, конфликт может разрядить свою деструктивную энергию сразу в нескольких сопредельных областях общественного развития. В этом случае проявляется эффект синхронного воздействия на окружающую среду, который может носить комплексный характер, выливаясь порой даже в кризис национально-государственного устройства” [6: 242–243]. А. Мацнев приходит к выводу, что “классический этнополитический конфликт потому так и именуется, что в нем происходит соединение двух важнейших сфер общественной жизни – политической и этнической. Они могут накладываться друг на друга: политический конфликт, связанный с борьбой за власть, представляет собой питательную среду для развития этнических конфликтов, и наоборот” [6: 256].

В программной статье одного из ведущих российских конфликтологов, руководителя проблемного Центра по конфликтологии Института социологии РАН Е. Степанова приводится мысль о том, что межэтнические конфликты “не только продолжают притягивать к себе пристальное внимание, но и все больше требуют организованных и целенаправленных усилий, способных обеспечить выработку и реализацию эффективных мер по их урегулированию или предотвращению” [7].

Принцип конкретности должен стать исходным в анализе этнополитических конфликтов. По мнению Е. Степанова, только на такой «основе представляется возможным оценить состояние межнациональных конфликтов как в целом, так и в тех конкретных ситуациях в республиках и регионах, где они или уже проявились в острой, “горячей” форме, или же только еще нарастают, подспудно зреют и требуют все более пристального к себе внимания» [7].

Первым шагом в реализации этого принципа должна стать типологизация конфликтов, позволяющая сгруппировать их конкретные проявления и предложить некоторые алгоритмы управления. Поскольку единой общепринятой типологии конфликтов не существует, а различные авторы предлагают для нее множество оснований, целесообразно использовать типологию,

которая отвечает конкретным целям и задачам теоретической и практической конфликтологии в каждом отдельном случае. Мы воспользуемся достаточно известной типологией Л. Дробижевой, которая выделяет три типа конфликтов этнополитического характера:

- конституционные (борьба за независимость в союзных республиках бывшего СССР, несоответствие конституций республик Конституции РФ);
- территориальные (борьба за право проживать, владеть или управлять определенной территорией);
- межгрупповые (противостояния казаков и чеченцев, ингушей и осетин, кабардинцев и балкарцев и т. п.) [8].

Конфликты, управление которыми является предметом нашего исследования, несомненно, являются межгрупповыми, но эта типология не позволяет в полной мере уловить важный “пространственный” фактор, который задает определенные условия для созревания и протекания различного типа конфликтов. Для нас интерес представляют межэтнические конфликты на уровне небольших полиэтничных городских и сельских поселений.

В “пространственной” типологии выделяют глобальные и региональные конфликты. Под глобальными конфликтами [9] понимаются конфликты, обусловленные глобальными проблемами современности, затрагивающие интересы всего человечества и несущие угрозу существованию цивилизации. Очевидно, что наш случай не входит в эту номинацию.

Не входит он и в категорию региональных конфликтов, которые возникают на основе противоречий, складывающихся между отдельными государствами, коалициями государств или отдельными региональными субъектами внутри государства и охватывают большие географические и социальные пространства. Е. Степанов подчеркивает, что “региональный уровень анализа социальных конфликтов все больше выдвигается и в центр исследовательского внимания, поскольку для конфликтологов становится все более несомненным, что стабилизация ситуации на этом уровне способна оказать благотворное влияние на стабилизационные процессы и в общенациональном масштабе (как и наоборот). Тем самым дальнейшее углубление разработки и обеспечение реализации научно обоснованной модели региональной политики по предупреждению, прогнозированию и урегулированию конфликтов, в особенности насильственных и

деструктивных, превращается в важную исследовательскую и практическую задачу” [10].

С. Емельянов выделяет ряд особенностей региональных конфликтов:

1. Региональные конфликты непосредственно связаны с глобальными. С одной стороны, они выступают как одна из форм назревающих глобальных конфликтов, а с другой – могут ускорять процесс созревания таких конфликтов.

2. В основе региональных конфликтов лежат противоречия в сфере экономики, политики, религии и идеологии; и они, как правило, протекают в форме этнических и религиозных столкновений. Такие конфликты носят затяжной характер и оказывают непосредственное воздействие на систему общественных отношений.

3. Региональные конфликты отличаются составом субъектов, в качестве которых выступают административно-территориальные образования или этнические группы внутри государства, а также государства или коалиции государств.

4. Региональные конфликты отличаются также зонами распространения и влияния. Территориально такие конфликты охватывают большие географические пространства и вовлекают в свою орбиту большие массы людей, существенным образом влияя на судьбы этих людей.

5. Региональные конфликты отличаются и своей динамикой. Корни конфликтных ситуаций часто уходят в далекое историческое прошлое и связаны с традициями народов, их социально-экономическим и культурным развитием [11: 344–345].

Особый интерес в классификации региональных конфликтов представляют межэтнические конфликты, возникшие после распада СССР, в основе которых лежат:

- требования воссоединения раздробленных в прошлом единых этносов (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Южный Дагестан и др.);
- стремление этнического меньшинства реализовать свое право на самоопределение и создание независимого государства (Абхазия, Приднестровье, Гагаузия);
- требования восстановления территориальных прав депортированных народов (ингуши, крымские татары, калмыки);
- притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства (стремление Эстонии и Латвии присоединить ряд районов Псковской области);
- произвольные территориальные изменения, произведенные в советский период (Закавказье, Средняя Азия и др.);

➤ проблемы, порожденные многолетним пребыванием депортированных народов на территории других республик (турки-месхетинцы в Узбекистане; чеченцы в Казахстане и др.);

➤ дискриминация русскоязычного населения в ряде стран, возникших на постсоветском пространстве (страны Балтии и др.).

Трудности с отнесением интересующего нас конфликта микроуровня к какому-либо типу, с нашей точки зрения, связаны с тем, что в большинстве работ российских политологов и социологов “основное внимание уделяется урегулированию международных конфликтов или тех внутренних, которые становятся серьезной проблемой и приобретают международное значение, как, например, Югославский конфликт...” [12: 17].

Мы считаем возможным восполнить этот понятийный пробел, введя новый тип – локальный конфликт, и предложить его развернутую характеристику, которая представляется нам весьма эвристичной:

1. Локальные конфликты непосредственно связаны с региональными, выступая формой проявления назревающих региональных конфликтов и обусловлены динамичным изменением этнического состава населенных пунктов (в данном случае под регионом понимается субъект Федерации или группа соседних субъектов (Федеральный округ). – Авт.).

2. В основе локальных конфликтов лежат нерешенные проблемы в экономической (распределение собственности, земельные и трудовые отношения), политической (представительство в органах власти, формы политического участия), социальной (включая миграцию и демографию), духовно-культурной (образование, культура, язык и религия) сферах. Локальные конфликты, как правило, протекают в форме межобщинных этнических столкновений, доходящих до силовых, и носят очень динамичный характер.

3. Локальные конфликты отличаются составом субъектов, в качестве которых выступают администрации муниципальных образований, представители местных силовых структур, объединения старожильческого (коренного) населения, чаще всего казачество, формальные и неформальные этнические объединения (диаспоры), местные СМИ и работники образовательных учреждений.

4. Территориально локальные конфликты охватывают небольшие географические про-

странства (небольшие городские и сельские поселения – муниципальные образования), но привлекают в свою орбиту практически все население этих районов.

5. Локальные конфликты возникают в городах и районах, принимающих значительное число мигрантов и характеризующихся быстрой сменой этнического состава населения.

Нам представляется, что достаточно подробное описание локальных конфликтов является корректным основанием для введения нового типа в “пространственную” типологию.

Опыт этнополитических исследований показывает, что проблематика изучения локальных конфликтов не утрачивает своей актуальности. Практические примеры стабилизации ситуации в полиэтничных регионах российского Северного Кавказа, события в ряде населенных пунктов Киргизстана, в том числе и в с. Петровка (апрель–май 2009 г.) выдвигают в число приоритетов не только изучение методологии конфликтов, но и выработку методик, позволяющих анализировать, прогнозировать, предупреждать рост уровня конфликтности, и главное – использовать адекватные технологии управления конфликтом на разных его стадиях.

Литература

1. *Тишков В.* Конфликт этнический. Народы и религии мира. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000.
2. *Дробижева Л.М.* Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. – М., 1998.
3. *Лебедева М.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М., 1999.
4. *Перепелкин Л.С.* Проблема социальных границ в системе социального знания // Чужое: Опыт преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. – М., 1999.
5. *Малашенко А.* Ксенофобия в постсоветском обществе (вместо введения) // Г. Витковская, А. Малашенко (ред.) Нетерпимость в России: старые и новые фобии. – М., 1999.
6. *Мацнев А.* Этнополитические конфликты: пути предупреждения и регулирования // Основы национальных и федеративных отношений. – М., 2001.
7. *Степанов Е.* Социальные и межнациональные конфликты: проблемы экспертного мониторинга // Национальная электронная библиотека.
8. *Дробижева Л.* Этнические конфликты // Полис. – 1994. – №2.
9. *Гостев А.* Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов (очерки по конфликтологии). – М., 1993.
10. *Степанов Е.* Управленческие аспекты региональной конфликтологии в России // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. – Ростов н/Д., 2003.
11. *Емельянов С.* Практикум по конфликтологии. – СПб., 2001.
12. *Лебедева М.* Политическое урегулирование конфликтов. – М., 1999.